

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

В.И. Карасик

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
400066, Волгоград, Россия, проспект Ленина, д. 27

В статье обсуждаются подходы к изучению и описанию дискурса, обусловленные функциями речи и разработанными в лингвистике и других областях гуманитарного знания моделями коммуникативной ситуации (М.М. Бахтин, Ю. Лотман, J. Habermas, M. Halliday). Они характеризуют содержание общения, его типовых участников, тональность, канал и акциональную природу. Эти подходы взаимодополнительны и дают возможность синтезировать достижения лингвистики текста, социолингвистики, прагмалингвистики и собственно теории дискурса. Их объединяющим центром является дискурсивная личность — человек как участник общения, проявляющий себя в разных типах коммуникативных ситуаций. Вместе с тем каждый из этих подходов преимущественно сориентирован на определенный тип личности и тип ситуаций. В рамках тематического подхода к дискурсу в фокусе оказывается содержание общения и основные форматы представления содержания в тексте и подтексте. Субъектный подход к моделированию дискурса сориентирован на установление и описание характеристик личностно-обусловленного и статусно-обусловленного дискурса, в первом случае в поле зрения исследователей оказывается бытовое и бытийное общение, во втором — институциональное общение. Используя инструментальный подход к интерпретации дискурса, исследователи получают возможность выделить и описать доминирующую тональность общения. Режимный подход к дискурсу направлен на выявление характеристик канала и средств осуществления общения. Акциональное понимание дискурса дает возможность охарактеризовать поведение личности в разных коммуникативных ситуациях, инкорпорированное в систему социального взаимодействия участников общения в соответствии с принятыми в этой системе культурными прецедентами.

Ключевые слова: дискурс, личность, тематика общения, участники общения, коммуникативная тональность, коммуникативный канал, коммуникативное действие

1. ВВЕДЕНИЕ

Дискурс — текст, погруженный в жизнь (Арутюнова, 1990), — порождается участниками общения и характеризует их. В этом смысле теория дискурса, или дискурсология, дает возможность рассмотреть личность коммуниканта с разных точек зрения. Теория дискурса представляет собой одно из наиболее активно развивающихся направлений коммуникативной лингвистики (Борботько, 1998; ван Дейк, 2010; Демьянков, 2005; Карасик, 2002; Кашкин, 2010; Кибрик, 1994; Ларина, 2009; Манаенко, 2003; Олянич, 2004; Плотникова, 2000; Савицкий, 2013; Седов, 1999; Степанов, 1995; Тюпа, 2010; Чернявская, 2009; Fairclough, 2003; Hymes, 1986; Pearson, de Villiers, 2006; Slembrouck, 2002; Trapex-Lomax, 2004).

Существующие подходы к классификации типов дискурса можно условно разбить на пять типов: тематический (о чем идет речь), субъектный (кто принимает участие), инструментальный (как выражается содержание диалога), режимный

(каким каналом общения пользуются коммуниканты), акциональный (какое социальное действие совершается). Выделение этих подходов обусловлено функциями речи и разработанными в лингвистике и других областях гуманитарного знания моделями коммуникативной ситуации. Базовыми для данной работы являются диалогичность как базовая характеристика языка, по М.М. Бахтину (Бахтин, 1986), типология социального действия, по М. Веберу и Ю. Хабермасу (Habermas, 1984), семиотическая модель коммуникации, по М.А.К. Халлидею (Halliday, 1978) и противопоставление коммуникации и автокоммуникации, по М.Ю. Лотману (Лотман, 1973).

2. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСИВНОГО ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

2.1. Тематический подход к дискурсу

Тематический, или референциальный, подход к дискурсу позволяет выделить бесконечное множество его типов — экологический, экономический, гастрономический, филателистический и т.д. Достоинство этого подхода — детальный анализ предметной стороны общения, выделение его единиц и ситуативно обусловленных смыслов, которые специфичны для каждого дискурса. Именно эти смыслы имеют лингвокультурную значимость.

Этот подход соответствует сути когнитивно-дискурсивных исследований. Так, например, анализ русского экономического сознания, проведенный с опорой на историческое развитие слов, обозначающих отношение к труду, позволил выявить четыре основных концепта, которые объясняют исторически сложившееся понимание трудовой деятельности в России: самой престижной является *служба* князю, далее следует *труд* (прототипным является труд земледельца) как условие выживания, третье — это домашние *хлопоты* как женское занятие, и на последнем месте находится принудительная *работа*, не предусматривающая вознаграждения (Яроцкая, 2013, с. 200).

Осмысление и обсуждение этих концептов разворачивается в коммуникативных ситуациях, которые порождают дискурс о труде.

Наиболее значимые для народа выводы о видах труда и утилитарных и моральных его характеристиках зафиксированы в паремиологическом фонде и включают, как показано в цитируемом исследовании, следующие частные темы: 1) отношение к труду, 2) разновидности трудовой деятельности, 3) распределение трудовых обязанностей и приложенных усилий, 4) вознаграждение за труд, 5) ритм трудовой деятельности, 6) способы уклонения от труда, 7) коллективный либо индивидуальный характер трудовой деятельности. Цитируемый автор выделяет полярные позиции субъектов, оценивающих труд: это моралист-праведник и прагматик (ср. *Трудами не хвались, а гордись. — Дураков работа любит*). Тематический подход к дискурсу позволяет выделить значимые для той или иной лингвокультуры типажи, которые являются действующими лицами в реальности и художественных произведениях.

Тематический подход к дискурсу сосредоточен на анализе текста как данности филологического исследования, ситуативные характеристики общения в этом

случае реконструируются на основе соответствующего текста. Отсюда же вытекают и дискурсивно значимые правила интерпретации подтекста в том или ином жанре общения.

В лингвистической литературе высказано обоснованное суждение о том, что культуры могут быть противопоставлены по признаку развернутости дискурсивного обозначения реальности в диалоге. Такое различие формулируется в терминах «семантический стиль» — «семиотический стиль», первый тяготеет к вербализации мыслей и переживаний, второй — к сочетанию вербального и невербального способов коммуникации. Первый эксплицитен, его примером может быть англоязычное общение, второй имплицитен, его иллюстрацией является общение на урду (Hasan, 1984, p. 106—108). Для семиотического стиля общения характерно использование внешних (экзофорных) способов связи между предметами речи, для семантического — внутренних (эндофорных), к последним относятся анафора и катафора, т.е. указание на нечто предшествующее и последующее. К типичным экзофорным знакам в речи относятся фразы, предполагающие ситуативную определенность предмета речи: 1) *I'll need to get a bit higher (higher than what?)* — Мне нужно подняться повыше (повыше, чем что?), 2) *Don't touch the books (what books?)* — Не трогай книги (Какие книги?), 3) *Has she already left? (Who?)* — Она уже уехала? (Кто?), 4) *What was John on about? — Tell you later.* — О чем говорил Джон? — Потом скажу (там же, с. 111—120).

Соглашаясь с автором относительно правомерности противопоставления семантического и семиотического стилей общения, замечу, что семантический стиль является неотъемлемым признаком письменной речи, а семиотический относится к речи устной. Фактически при сравнении английского и урду в их функционировании автор неявно проводит в жизнь мысль о том, что урду существует преимущественно в устно-разговорном формате языка. Кроме того, такое противопоставление в значительной мере обусловлено типом личности, использующей тот или иной формат речи.

Принято считать, что экстравертам свойственно в большей мере использовать устную разновидность языка, в то время как интроверты склонны в большей мере раскрывать свой внутренний мир в письменном формате речи.

Наконец, в данном случае существенную роль играет образовательный статус и вид профессиональной деятельности личности. Есть профессии, не предполагающие вербального общения для осуществления деятельности, профессии, для которых такое общение и есть суть деятельности, а также существует множество промежуточных видов профессиональной активности.

2.2. Субъектный подход к дискурсу

Второй подход к изучению дискурса можно определить как субъектный, в фокусе находятся типизируемые ситуативно-личностные характеристики участников общения. Предлагается выделить личностно-обусловленное и статусно-обусловленное общение (Карасик, 2002). В первом случае участники общения хорошо знают друг друга либо ведут себя так, будто хорошо знакомы. Можно выделить два основных типа такого коммуникативного взаимодействия — бытовое и бытийное.

Бытовой дискурс разворачивается между людьми, тесно объединенными общей базой пресуппозиций и решающими обиходные вопросы. Это близкие люди, члены семьи, родственники, которые часто видят друг друга, друзья и хорошие знакомые. Разговор между ними идет на сокращенной дистанции (по Э. Холлу), включает жаргонные слова, недоговоренности, принципиально не связан с отвлеченной тематикой, не предполагает объяснений и четкого проговаривания мысли и в целом является пунктирным. В своем предельном выражении такой диалог сводится к обмену жестами и междометиями. И, разумеется, бытовое общение носит устный характер, хотя может включать записки или обмен смс-сообщениями.

Бытийный дискурс тематически бесконечен и касается вопросов смысложизненного порядка. В ходе такого общения его участники стремятся максимально раскрыть свое внутреннее Я, нацелены на взаимопонимание, но осознают, что в таком общении понять друг друга вряд ли можно с исчерпывающей полнотой. Это разговор по душам, исповедь, произведения художественной литературы, философские и психологические беседы.

Обратим внимание на то, что в бытовом дискурсе взаимопонимание бывает достаточно полным, поскольку ориентация в предметном мире носит живой указательный характер. В бытийном дискурсе такая ориентация невозможна, между его участниками всегда остается некоторый смысловой зазор, и поэтому часто имеет место рассогласованность смыслов, которую Ф.И. Тютчев категорически охарактеризовал в хрестоматийно известных строках: *«Мысль изреченная есть ложь»*. В этом плане бытийный дискурс сближается с бытовым: в стремлении максимально понять Другого мы обречены прийти к молчанию. Взаимопонимание в бытийном дискурсе есть идеал, а в бытовом дискурсе — норма. Бытийное общение в значительной мере тяготеет к письменному выражению чувств и мыслей, оно требует сосредоточенности и не обусловлено задачами синоминутной практики. Бытийное общение вторично по отношению к бытовому, оно возникает в коммуникативной практике на определенном этапе созревания личности и, по замечанию Г.П. Щедровицкого, доступно не всем: *«Отправления человеческой головы — это еще не мышление. Мышлением отправления человеческой головы становятся только тогда, когда они, эти отправления, соответствуют определенной культурной норме»* (Щедровицкий, 1997). Впрочем, те, кто обходится без бытийного мышления, дискомфорта не испытывают.

Бытийное общение насыщено символами, и его главная разновидность — поэтический дискурс, в котором, по И. Бродскому, заключается видовое отличие человечества. Интерпретация поэтического текста представляет собой не только диалог читателя с автором, но и с самим собой и своими современниками. В качестве примера приведу текст Геннадия Леонидовича Каневского, современного российского поэта, произведения которого насыщены экзистенциальными символами.

*я говорит салтыков щедрин
зверь обличитель зла
хочешь прорваться звони один
звёздочка треск ноль два*

*сотни томов восковых неправд
прадед секунд-майор*

*радуйся имя твоё виноград
на языке моём*

*я продолжает тулуз лотрек
средней руки горбун
я только в эти холсты одет
в эти штрихи обут
код мой магнит мой на карте крап
шулерский мой приём*

*радуйся имя твоё виноград
на языке моём*

*гроздью корми оплети лозой
чтобы глядеть в зрачки
не отрываясь и по одной
строчки мои зачти
писано оцупью наугад
сунуться рылом в калашный ряд
крикнуть в дверной проём
слышишь ли пастырь овечьих стад
слышишь садовник идущий в сад
радуйся имя твоё*

Это диалог, в котором принимают участие несколько персонажей. На первый взгляд, такими персонажами являются известные герои мировой культуры, автор и Творец мироздания. Речь идет об авторах, о тех, кто создает произведения культуры.

М.Е. Салтыков-Щедрин, русский писатель, язвительный критик-реалист, — первая маска, первый актер, выходящий на сцену и обращающийся к читателю или к Богу. Автохарактеристика включает следующие признаки: обличение зла, суровая манера такого обличения (зверь), затем следует приглашение вступить в контакт, допускающее ряд интерпретаций. Например, Номер 02 в России — это вызов милиции. № 102 при перекодировке в буквы на английском языке превращается в алфавитный ряд a, b, c. Вполне возможно, что перед нами — псевдоаллюзия, отсылка к несуществующему прецедентному феномену. Этот смысловой ряд открыт, и понятно, что номер является ключом к базовой информации. Попробуем ответить на вопрос: зачем нужно прорываться к обличителю зла? Скорее всего, чтобы излить жалобу и восстановить справедливость. Это объяснение поддержано выразительным образом «*сотни томов восковых неправд*». На восковых дощечках раньше учились писать, значит, пробный вариант — это неправда. Вторая возможная интерпретация — музей восковых фигур, попытка вернуть мертвых, т.е. неправда в ином проявлении. Затем следует интересная биографическая деталь о прадеде. Секунд-майор гвардии — это чин шестого класса Петровской табели о рангах, соотносимый с армейским полковником (премьер-майор гвардии

соотносился с бригадиром). Этот чин существовал в XVIII в. и затем был упразднен. Возможно, речь идет об унаследованном благородстве.

Первый ответ, который получает обличитель, это — признание и благословение: «*Радуйся!*». И далее следует удивительный текст, который трижды повторяется и является стержневым для всего стихотворения «*Имя твое виноград на языке моём*». Следовательно, существует божественный язык, в котором есть слова, внешне совпадающие со словами обыденного земного языка, но имеющие иные значения. Виноград в этом контексте — не вьющееся растение с гроздьями сочных ягод, а нечто иное, вероятно, сладость. Значит, тот, кто обличает зло и тем самым восстанавливает справедливость, удостоен высшей милости поэта.

Второй актер, выходящий на сцену, заявляет, что он — Тулуз-Лотрек. Известно, что этот французский постимпрессионист был калекой, после переломов ног перестал расти и передвигался с помощью костылей. На его полотнах изображены танцовщицы, женщины легкого поведения, известные монмартрские кабаре. Он характеризует себя иронически-уничижительно — «*средней руки горбун*», но далее говорит о себе, что вся его жизнь — в искусстве: «*я только в эти холсты одет, в эти штрихи обут*». Анри де Тулуз-Лотрек рисовал жизнь парижского полусвета и сроднился с ней. Он признается на исповеди, что не играл честно — он считает себя шулером. Возможно, он ждет осуждения за то, что все принес в жертву искусству, в этом — его код, его прочтение. Но в ответ он получает благословение, как и его предшественник. Значит, тот, кто сгорает в творческом огне, также удостоен милости.

Следующим персонажем является читатель, к которому прямо обращается поэт. Творчество требует самого прямого контакта — «*чтобы глядеть в зрачки*». Фраза «*строчки мои зачти*» допускает двоякое понимание в зависимости от осмысления императива «*зачти*»: зачитать вслух или зачесть. На мой взгляд, первый вариант более вероятен, поскольку стихотворение живет в пространстве звучания. Поэт говорит, что строки пришли к нему свыше, по наитию: «*писано ошупью, наугад*», и понимает, что не может говорить с Создателем на равных: «*сунуться рылом в калашный ряд*» (этот сниженный фразеологизм «*со свиным рылом — в калашный ряд*» используется, когда хотят сказать, что кто-то ведет себя не по статусу). Строка «*крикнуть в дверной проем*» допускает двоякое толкование: стоящий перед открытой дверью находится в доме либо на улице. Мне представляется, что первый вариант предпочтительнее, поскольку далее поэт обращается к одному и тому же персонажу в двух его традиционных ипостасях — пастырь и садовник, т.е. к Богу, находящемуся снаружи. В ответ он слышит благословение, которое получено от самого Создателя, причем, это благословение завершается неоконченной фразой, мы ее можем легко восстановить по двум предшествующим ответам.

Впечатляет чеканный ритм этого стихотворения, в основе этого ритма — четырехстопный дактиль с мужской рифмой, очень редкий размер в русской поэзии. Отказ автора от знаков препинания и прописных букв можно, вероятно, истолковать как выход на особый уровень организации текста, в чем-то похожий на поток сознания. Тема этого произведения — творчество, этот концепт получает

различные способы выражения, причем концентрация смысла достигается, главным образом, за счет многомерных аллюзий, разрыхления семантики слов, смысловых разрывов между фразами и фонетико-ритмической ткани стихотворения. Эта тема развивается в нескольких направлениях: творчество как восстановление правды, как отказ от бытовых благ и условностей, как мучительный поиск идеала и как благодать. Разумеется, эта интерпретация является одной из возможных.

Бытийное общение воплощается в художественном тексте, различные аспекты изучения которого составляют традиционный предмет филологических исследований (Зубова, 2010; Исаева, 1996; Тюпа, 2010).

Статусно-обусловленное общение представляет собой диалог людей, воспринимающих друг друга как представителей определенной группы. Такой дискурс носит сугубо функциональный характер и обусловлен практическими потребностями общества.

Этот тип общения, выделяемого на основании субъектного критерия, может быть институциональным и неинституциональным. В первом случае такой дискурс обусловлен целью и задачами того или иного социального института, т.е. организации, функционирующей для удовлетворения определенной социальной потребности — установление и поддержание закона (юриспруденция), защита от внешнего нападения (вооруженные силы), социализация новых членов социума (педагогика), утверждение вероучения (религия), борьба за власть (политика), распространение информации (масс-медиа), лечение болезней (медицина), познание мира (наука) и др. Во втором случае это общение незнакомых людей, например, обмен репликами о том, как пройти к тому или иному месту.

Список социальных институтов ограничен, исторически изменчив и цивилизационно обусловлен. Общение в рамках социального института представляет собой институциональный дискурс. Этот тип общения относительно жестко детерминирован в тематическом плане, хотя здесь можно установить шкалу тематической закреплённости дискурса: самыми жесткими видами институционального дискурса являются юридический и религиозный дискурс в их определенных жанрах, относительно свободным принято считать педагогический и научный дискурс. Исследования типов институционального дискурса активно ведутся в современной лингвистике (Бейлинсон, 2009; Бобырева, 2007; Буряковская, 2014; Дубровская, 2010; Желтухина, 2004; Колтунова, 2006; Коньков, 1996; Кочетова, 2013; Олешков, 2012; Палашевская, 2012; Ракитина, 2006; Шейгал, 2004).

Институциональный дискурс удобно описывать, используя модель коммуникативной ситуации, в частности, известную модель Д. Хаймса, обозначенную в виде акронима SPEAKING — Situation (ситуация), Participants (участники), Ends (цели), Act Sequences (последовательность коммуникативных действий), Keys (тональность), Instrumentalities (средства), Genres (жанры) (Hymes, 1977).

Эта социолингвистическая модель может быть уточнена в следующей схеме: 1) системообразующая цель дискурса (соответствует цели социального института, в частности, политика — борьба за власть), 2) участники (выделяется пара субъектов, один из которых представляет этот дискурс, а другой является внешним

по отношению к нему, например, врач и пациент), 3) хронотоп (термин М.М. Бахтина, типичное время и место осуществления такого общения, например, урок проходит в классе и длится определенное время), 4) ценности (приоритеты в организации соответствующего института, выражающиеся в присущей ему системе предписаний, запретов и обыкновений, например, в артистической среде принято сопровождать аплодисментами вынос тела во время похорон артиста), 5) коммуникативные стратегии (целесообразные последовательности речевых действий, направленные на достижение определенных целей, состоящие из коммуникативных тактик и предусматривающие использование определенных средств (например, в рамках педагогического дискурса выделяются стратегии объяснения, контроля, оценки и др.), 6) коммуникативные жанры (исторически сложившиеся ситуативно закрепленные разновидности дискурса с присущими им текстотипами, например, жанр инаугурационной речи в политическом дискурсе), 7) коммуникативные формулы (вербальные и невербальные знаки, позволяющие определить тип дискурса, например, выражение «Отставить», используемое военнослужащими в их профессиональном общении).

Приведу пример исследования институционального дискурса на материале жанра политического интервью (Попова, 1995).

Политический дискурс объективно выделяется на основании следующих конститутивных признаков.

1. Тематически этот тип общения определяется полями функционирования политического языка и целевыми установками партнеров по коммуникации. Его основным тематическим определителем является концепт «борьба за власть».

2. В политическом дискурсе мы имеем дело с одной целью: сознательное изменение или стабилизация власти. Даже если эта цель четко не просматривается или скрыта, она оказывает свое влияние на презентацию информации. Для достижения цели любым политиком выбирается определенная стратегия общения.

3. Своеобразие речевого общения политиков состоит в отборе и организации лексико-фразеологических единиц в соответствии с прагматическими установками, целями и условиями общения, сложившимися в процессе профессиональной деятельности политика. В речи политиков получают языковое выражение отношения власти. Такие характеристики языка, как подвижность семантической структуры слова, трудность отграничения коннотаций от прямых денотативных значений, вариативность денотативных и коннотативных значений одних и тех же языковых знаков под влиянием социальных факторов, многокомпетентность как лексического, так и прагматического значения, наличие объективного и субъективного в значении, синонимические и ассоциативные связи слов, модальность высказываний, оценочность семантики и др., преднамеренно и целенаправленно используются политиками.

4. Дискурс строится не только по линии содержательной связи. Реализуя единство функций общения и познания, дискурс включает в себя структуры, относящиеся к акту общения, метатекстовые элементы (структурно-смысловые коннекторы). К средствам метатекстового характера относятся, например, обращения, клише, приветствия, прощания.

5. Достижение определенных целей в общении обосновывает использование аргументативных схем. Аргументацию можно охарактеризовать как особый вид коммуникации, суть которой заключается в специфическом воздействии на сознание адресата посредством языковых выражений, организованных в соответствии с принятыми в данной культуре принципами убеждения. Политической аргументации в целом присуща некоторая агрессивность, считающаяся признаком объективности и заинтересованности.

6. При исследовании политического дискурса целесообразно сочетать методы контекстуального анализа и социолингвистического анализа (в частности, прием протокольных предложений).

Методика определения протокольных предложений политического дискурса, выступающего в виде газетного интервью, позволяет получить объективные критерии для выделения и классификации его типов применительно к газетным интервью и состоит в следующем: а) определить тему и подтемы интервью, б) составить план текста, в) соотнести пункты плана и подтемы, г) сформулировать подтемы в виде протокольных предложений по образцу: *Некто делает/делал что-то с такой-то целью таким-то образом по такой-то причине в определенном месте в определенное время.*

Внося в это предложение модальную рамку: с точки зрения интервьюирующего это хорошо/плохо, известно/ново, факт/нефакт, — мы получаем формулу протокольных предложений:

Sa (оценка, новизна, фактуальность) (Пропозиция: *Sp* + *V* (действие или состояние) + *O* (одушевленный / неодушевленный объект) + *D* (цель, причина, мотив, способ, место, время)),

где: *Sa* — аксиологический субъект, *Sp* — субъект пропозиции, *V* — предикат, *O* — объект, *D* — детерминат.

Данная методика реализуется на примерах анализа газетных интервью с политиками. Аналогичным образом рассматриваются другие типы институционального дискурса в рамках предложенной концепции.

2.3. Инструментальный подход к дискурсу

С иных позиций можно выделить типы дискурса, придерживаясь инструментального подхода к его интерпретации, т.е. анализируя способы выражения содержания общения, его средства и стиль. Стилистика дискурса соответствует его основной тональности, т.е. эмоционально-стилевому модусу общения. Соответственно, в каждом из этих типов общения проявляется личность, ведущая себя определенным образом. Можно выделить следующие типы коммуникативной тональности (Карасик, 2009):

1) информативная тональность — серьезное нейтрально-эмоциональное общение, целью которого является взаимное либо одностороннее информирование и реакция на него;

2) фатическая тональность — вариативное динамичное общение, целью которого является обеспечение комфортного диалога;

3) статусная тональность — вариативное общение, целью которого является взаимное позиционирование коммуникантов;

4) шутливая тональность — несерьезное сниженное эмоциональное общение, целью которого является сокращение дистанции между коммуникантами;

5) торжественная тональность — ритуально-возвышенное общение, целью которого является подтверждение коллективной идентичности;

6) идеологическая тональность — серьезное общение с жестко заданными установками, целью которого является определение принадлежности партнера к своим либо чужим;

7) фасцинативная тональность — (*fascination* — лат. очарование) серьезное эстетическое общение, сориентированное на форму речевого поведения, целью которого является получение удовольствия;

8) гипотетическая тональность — серьезное общение, сориентированное на обсуждение отвлеченных тем, целью которого является поиск истины;

9) агрессивная тональность — сниженное эмоциональное общение, целью которого является подавление партнера;

10) эзотерическая тональность — экзальтированное общение, направленное на поиск тайных знаков, целью которого является получение сакрального знания;

11) менторская тональность — серьезное общение, направленное на жесткий контроль поведения партнера с опорой на авторитет знаний и традиций, его целью является демонстрация своего превосходства.

Список можно продолжить. Сюда относится, например, провокативный дискурс (Степанов, 2003). Каждый тип тональности имеет присущую ему систему средств коммуникативного выражения — жестомимическую, интонационную, лексико-фразеологическую, синтаксическую и текстово-стилистическую в плане выбора определенных текстотипов как ориентиров для манеры общения. Описать ту или иную манеру речи мы можем, используя обстоятельство образа действия: он сказал это шутливо, с серьезным видом, ехидно, как приговоренный к смерти и т.д.

Подобно тому, как не может быть человека, который общается только в рамках институционального дискурса в той или иной его разновидности (это был бы робот), так и не может быть коммуниканта, способного вести диалог в любой ситуации только в одной тональности. Вместе с тем есть люди, которые чаще других прибегают к определенному стилю поведения — скептики, шуты, зануды, светские болтуны, сплетники и т.д. Их поведение в этом смысле соответствует типажной характеристике и выражается в сравнении: он ведет себя как клоун, зазнайка, задира и др. Информативный дискурс в этом плане представляет собой некий условный стандарт коммуникативного поведения, будучи противопоставленным другим типам общения.

Фасцинативный дискурс представляет собой общение, системными признаками которого являются эмоциональная личностная привязанность к содержанию получаемой информации, возрастание значимости этой информации при каждом последующем ее восприятии, зависимость содержания информации от формы ее выражения. Так, ребенок просит рассказать ему перед сном сказку, содержание

которой он уже знает наизусть. Из этого вытекает, что художественная литература должна быть по определению фасцинативной. Подлинное произведение искусства волнует нас при вторичном обращении к нему не менее, чем в первый раз. Но из этого не следует, что фасцинативность закреплена только за текстами, относящимися к произведениям искусства, этот тип общения ситуативно и лично-лично маркирован. Например, новоиспеченный обладатель диплома об окончании университета читает свой документ, и с каждым последующим прочтением этот текст нравится ему все больше. Сказанное справедливо и для индивидуальной специфики восприятия художественного текста. Есть люди, которым не нравится поэзия, есть те, кто не получает эстетического удовольствия от произведений, которые другим нравятся.

В отличие от фасцинативного восприятия определенного содержания его глубоко информативное восприятие отличается тем, что ценность соответствующего текста становится все меньше для его получателя. Информативный текст не является лично-лично маркированным и предназначен для одноразового употребления. Эта специфика информативного общения прослеживается и при рассказывании шуток и анекдотов. Не случайно в русском фразеологическом фонде бытует выражение «бородатый анекдот» — старый анекдот, который всем известен и уже никого не веселит.

Противопоставление между фасцинативной и информативной тональностью восприятия дискурса ярко проявляется в зависимости такого восприятия от формы выражения содержания: информативный текст поддается сжатию, пересказу и переводу, в то время как фасцинативный текст теряет свою ценность в результате таких модификаций. Дайджесты художественных произведений не относятся к сфере художественной литературы, и при переводе художественного текста неизбежны потери (известное ироническое четверостишие одного из переводчиков: *Луна взошла на небосвод и отразилась в луже, как стихотворный перевод — похоже, но похуже*).

Следует подчеркнуть, что один и тот же текст может быть осмыслен информативно либо фасцинативно, вместе с тем здесь уместна параллель с противопоставлением понимания и понятности текста (Демьянков, 1983). Подобно объективно устанавливаемой степени понятности текста может быть определена степень его фасцинативности, поскольку есть коммуникативные ситуации и порождаемые в них типы дискурса, предназначенные преимущественно для эстетического восприятия либо для утилитарного использования.

2.4. Режимный подход к дискурсу

Этот ситуативный подход к дискурсу предполагает учет специфики общения, обусловленной его каналом. Дискурс может быть устным и письменным, контактным и дистантным, свободным и протокольно фиксируемым, традиционным и электронно опосредованным, стандартным и инскриптивным (инскрипции — надписи на стенах, одежде, девизы на монетах и т.д.).

Такой ракурс рассмотрения дискурса позволяет сфокусировать внимание на его характеристиках, связанных с наличием или отсутствием времени на де-

тальное обдумывание высказывания, с осознанием моральной и юридической ответственности за сказанное, с возможностью получать невербально выраженную информацию о коммуникативном партнере, с осмыслением виртуальности собеседника, который, возможно, выдает себя за кого-то другого, с пониманием условности городских инскрипций.

Важнейшей характеристикой режимного моделирования дискурса является учет коммуникативной дистанции, по Э. Холлу. Ученый выделил и описал четыре базовые коммуникативные дистанции — интимную (объятия, ребенок на руках у матери), дружескую (коммуниканты ведут беседу на расстоянии примерно двух метров, это обычная дистанция для обиходного дружеского общения), социальную (общение с полужнакомыми или незнакомыми людьми в официальном режиме), публичную (выступление оратора перед аудиторией) (Hall, 1969).

Наряду с особенностями дистанции режимный подход к дискурсу фокусирует внимание исследователей на коммуникационно-технических возможностях общения. Это ярко выражается в компьютерно-опосредованном дискурсе. В последние годы изучение этого типа общения привлекает к себе большое количество исследователей (см. обзоры в работах: [Лутовинова, 2009; Галичкина, 2012; Щипицына, 2011]).

Заслуживает внимания концепция Е.Н. Галичкиной, которая суммирует свои наблюдения следующим образом: «Анализ научных публикаций о компьютерном общении дает возможность противопоставить его конститутивные и аддитивные признаки. К первым относятся 1) бимодальность — возможность двух режимов общения (актуального и сетевого), 2) металинейность — наличие гипертекста как системы разнородных связей данного текста с другими текстами, типами дискурса и способами редактирования текста, 3) креолизуемость — возможность включения мультимедийных иконических знаков в последовательность вербальных сигнальных знаков.

Аддитивные признаки компьютерного общения обусловлены современной цивилизацией и сводятся к следующим: 1) американизация — внедрение норм коммуникативного поведения американской культуры как основного источника культуры глобализационной, 2) ювенилизация — ориентация на нормы игрового молодежного поведения как доминирующего образца современной массовой культуры, 3) виртуализация — обратное влияние сетевого общения на общение актуальное в его различных жанрах (восприятие размытого времени, сближение пространства, множественная самоидентификация), 4) презентационность — акцентирование своего имиджа для продвижения своего контента как товара или продукта, уподобляемого товару, 5) фетишизация — оценочная трансформация картины мира под влиянием представлений об уподоблении мира компьютеру, обусловленная перенесением характеристик инструмента на субъектов, использующих инструмент» (Галичкина, 2012: 18—19). Обратим внимание на виртуализацию общения как размывание личности участника компьютерного диалога.

Одной из характеристик режимного подхода к дискурсу является его организационная составляющая, которая позволяет выделить участников спонтанного и подготовленного общения.

Спонтанный дискурс органически встроен в коммуникативную ситуацию и выступает в качестве одного из проявлений поведенческого взаимодействия людей. Мы общаемся с близкими дома или где-то еще, встречаемся с коллегами на работе и обмениваемся с ними фразами, спрашиваем в незнакомом городе прохожих, как пройти в то или иное место. Мы выполняем те или иные действия и при этом, когда ситуация этого требует, обмениваемся репликами.

Подготовленный дискурс имеет принципиально иную природу, мы взаимодействуем исходя из целей такого дискурса. Такова природа институционального общения: мы решаем производственные вопросы, которые обусловлены задачами функционирования социального института, т.е. эти вопросы программируют наше поведение, прежде всего коммуникативное, и делают дискурс подготовленным. Есть разные модусы подготовленности общения, которое может быть представлено в этом плане в виде условной шкалы, на одном полюсе которой жестко программируемое коммуникативное поведение, например, во время судебного заседания, а на другом — максимально свободное, не регулируемое тематикой или характеристиками места и времени общения, это разговор с близкими людьми.

Между этими полюсами располагается бесконечное множество коммуникативных ситуаций, предполагающих ту или иную степень планируемости поведения, самоконтроля его участников, использования принятого в данной лингвокультуре коммуникативного стиля.

Подготовленный дискурс может включать заранее заготовленные тексты как единицы общения, например, во время переговоров, но может быть сориентирован на порождение и восприятие текстов, которые вербально не были продуманы и отредактированы заранее, но обусловлены задачами общения и поэтому не могут выходить за рамки определенной тематики (диалог экзаменатора и экзаменуемого).

2.5. Акциональный подход к дискурсу

Такое понимание дискурса является прагмалингвистическим по своей сути, поскольку общение рассматривается в неразрывной связи с поведением субъектов и совершаемыми ими действиями. В изучении социокультурных характеристик коммуникативного действия значимыми оказываются его следующие параметры: 1) доминанта цели, ценности, традиции или эмоции как интенциональная программа действия, 2) рациональность/спонтанность как реактивная основа действия, 3) ориентированность на согласование, иллюкцию или перлокцию как координационная характеристика, 4) перформативность/неперформативность как фактологичность действия, 5) личная/статусная маркированность как показатель диапазона индивида в рамках совершаемого действия, 6) вербализованность/невербализованность как семиотическая характеристика (Митягина, 2007).

Интересный подход к изучению дискурса с позиций его акциональной природы предложен Е.Н. Горбачевой, рассматривающей общение как взаимодействие его участников, в ходе которого происходит фактуализация явлений. Это качество общения осмысливается как дискурсивная перформативность, и его конститутивные признаки таковы: а) ситуация личностно обусловленного волевого принятия

решений, б) осуществление свободного выбора, в) ответственность за совершенное действие, г) преобразующий характер деятельности, д) ценностная детерминация действия, е) превращение явления действительности в факт языкового сознания и культуры (фактогенность), ж) система способов коммуникативного осуществления поступка (стратегичность) (Горбачева, 2016).

Типичной разновидностью акционального понимания дискурса является манипулятивное общение. Манипуляция — двуплановый поступок с демонстрируемой интенцией принести благо кому-либо и скрываемой интенцией получить выгоду — является одним из основных модусов воздействия на адресата и противопоставляется прямому силовому воздействию в виде запретов, предписаний и угроз (физическое или психическое принуждение), апелляции к авторитету (моральное принуждение) и аргументации (логическое принуждение) (Kramarae, Schulz, O’Barr, 1984).

Манипулятивное воздействие граничит с эмоциональным заражением и внушением, но отличается от последних тем, что в большей мере сориентировано на сознание, в то время как названные модусы влияния на личность в качестве объекта сориентированы на подсознание.

Яркий пример прагматически организованной манипулятивной подачи информации представлен в аналитической статье заместителя директора Института политического и военного анализа Александра Храмчихина «Конец цивилизации начнется с боевых роботов»:

Перспективным направлением является создание безэкипажных систем, или боевых роботов. Они особенно ценны для западных армий, которые патологически боятся человеческих потерь. Уже сейчас широко используются роботы-саперы, правда, в основном спецслужбами (www.lenta.ru, 07.02.2015).

Автор статьи использует значимое уточнение при характеристике перспективы военных технологий: западные стратеги «патологически боятся человеческих потерь». Наречие «патологически» в этом контексте является интенсификатором, но оно сохраняет свое исходное значение: патология противопоставлена норме. Отсюда следует, что с позиций аналитика (или того циничного персонажа, которого этот аналитик имитирует) человеческие потери не должны считаться чересчур важным аргументом при оценке военных технологий. Можно предположить, что автор манипулятивно пытается внедрить в сознание наших читателей идею о несущественности людских потерь для отечественных стратегов и тем самым дискредитировать этих теоретиков. Вместе с тем военно-стратегическая аксиоматика базируется на неизбежности потерь живой силы и техники, и выигрывает тот, кто достигает успеха при минимальных потерях.

Определение языка как средства общения основано на принципе кооперативности в коммуникации: участники общения, как предполагается, стремятся к взаимопониманию (Грайс, 1985). Но в определенных ситуациях коммуниканты ведут себя так, как будто не понимают интенций друг друга. Подобная имитация непонимания осуществляется в разных культурах по стандартным моделям двупланового коммуникативного поведения. Для обозначения подобного положения дел С. Пинкер предложил понятие *innuendo* — скрытый намек (Pinker, 2008).

Иллюстрацией этого типа ситуации является сюжет известной сказки Андерсена о платье голого короля. Характеристики и типы имитируемого непонимания, по нашим данным, еще не были предметом изучения в коммуникативной лингвистике. Имитация непонимания как коммуникативное действие сближается с манипуляцией, но не тождественно ей.

Имитация непонимания при восприятии некоторого предмета реализуется в двух направлениях: затруднение в идентификации объекта и в инструментальном либо символическом его освоении. Например, ситуация на таможне:

А.: Что это?

Б.: Понятия не имею, не знаю, как эта штука оказалась в моем чемодане.

Таможенник показывает на предмет, который запрещен для перевозки. Адресат делает вид, что не знает, что это за вещь, и тут же заявляет о своей непричастности к ее обладанию. Отметим, что таможенник, задавая вопрос, не выражает познавательную интенцию, а требует дать пояснение от пассажира, который нарушает правила.

Примером имитации инструментального непонимания предмета может служить ситуация, в которой один из ее участников делает вид, что не понимает языка, на котором к нему обращаются. Эта ситуация доведена до абсурда в следующем скетче из юмористической программы ВВС "Big Train". Девушка стоит у дороги и останавливает проезжающего велосипедиста:

А.: *Excuse me, do you speak English? — Простите, Вы говорите по-английски?*

В.: *No, I don't, sorry. — Нет, извините.*

А.: *My car has broken down, and I want to have a key where to find a garage. — Моя машина сломалась, мне нужно, чтобы мне подсказали, где я могу найти гараж.*

В.: *It's waste on me, I don't understand what you are saying. — Это потеря времени, я не понимаю, что Вы говорите.*

А.: *You don't speak English at all? — Вы совсем не говорите по-английски?*

В.: *No, not a word. — Ни слова.*

Велосипедист отвечает девушке на беглом английском, и это производит комический эффект.

Имитация непонимания некоторого теоретического рассуждения в специальной сфере знания подразумевает неприятие соответствующей теории:

А.: *Концепты, будучи ментальными образованиями, не всегда находят однословное выражение.*

Б.: *Ничего не понимаю! О чем Вы говорите? Зачем вводить термин «концепт», когда есть хороший термин «понятие»?*

В этой научной полемике один из ее участников ставит под сомнение концепцию своего оппонента. Отметим, что этот тип имитации непонимания весьма часто соответствует положению дел, когда непонимание обусловлено нежеланием понимать.

Разыгрывание непонимания подтекста (либо импликации высказывания) относится к частотным типам коммуникативного поведения:

А.: *Я слышал, сосед, что ты в воскресенье собираешься в город на ярмарку?*

Б.: *Да, хочу поехать.*

А.: А у меня машина некстати сломалась.

Б.: Да ты что! Как жаль!

Говорящий делает прямой намек о том, что хотел бы попасть на ярмарку, а его партнер реагирует на прямой смысл услышанного. Непонимание намека свидетельствует либо о нежелании адресата выполнить обращенную к нему косвенную просьбу, либо о стремлении услышать эту просьбу в прямом выражении и тем самым поставить партнера в зависимость от себя.

Имитация непонимания чужих обычаев и традиций, отраженных в определенных стереотипах, свидетельствует о низкой культуре субъекта и его нежелании принимать иные формы поведения, отличающиеся от его собственных:

А.: Что эта женщина ему говорит?

Б.: В буквальном переводе «Пусть мне будет плохо за тебя».

А.: Что за глупость!

Стереотипная инокультурная реакция выражения сочувствия воспринимается в приведенном примере как нелепое высказывание. В данном случае мы также сталкиваемся с ситуацией, в которой непонимание обусловлено нежеланием понимать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Различные подходы к пониманию дискурса могут быть сгруппированы в определенные типы на основании базовых параметров дискурса, к которым относятся его тематика, характеристики участников, коммуникативная тональность, коммуникативный режим и акциональная природа. Эти подходы взаимодополнительны и не исключают друг друга. Рассмотрение дискурса как многомерного явления дает возможность системно охарактеризовать его диалогическую сущность, показать его встроенность в культуру и коммуникативное поведение, выявить и описать соотношение ситуативных, личностных и собственно текстовых характеристиках общения, раскрыть специфику личностно-ориентированного и институционального дискурса и обосновать предмет изучения антропологической лингвистики — языковую личность в пространстве культуры и коммуникативной практики.

© Карасик В.И., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136—137.
- Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества* / сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 381—393.
- Бейлинсон Л.С. *Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография*. Волгоград: Перемена, 2009. 266 с.
- Бобырева Е.В. *Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения)*. Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.
- Буряковская В.А. *Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков)*. Волгоград: Перемена, 2014. 228 с.

- Галичкина Е.Н. *Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство*. Волгоград: Парадигма, 2012. 322 с.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217—237.
- Гусейнова И.А. *Жанровая организация маркетингового дискурса*. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. 364 с.
- Дейк Т.А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация* / Пер. с англ. Благовещенск: Благовещ. гуманитар. колледж, 2000. 310 с.
- Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // *Вопросы языкознания*. 1983. № 6. С. 58—67.
- Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // *Язык. Личность. Текст*: Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34—55.
- Дубровская Т.В. *Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков)*. М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. 351 с.
- Зубова Л.В. *Языки современной поэзии*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 384 с.
- Исаева Л.А. *Художественный текст: скрытые смыслы и способы их представления*. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1996. 251 с.
- Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 285 с.
- Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Карасик В.И. *Языковые ключи*. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- Кашкин В.Б. *Введение в теорию дискурса*. М.: Восточная книга, 2010. 152 с.
- Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // *Вопросы языкознания*. 1994. № 5. С. 126—139.
- Кочетова Л.А. *Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. 404 с.
- Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
- Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // *Труды по знаковым системам*. Вып. 6. Тарту, 1973. С. 227—243.
- Лутовинова О.В. *Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса*. Волгоград: Перемена, 2009. 476 с.
- Макаров М.Л. *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
- Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // *Язык. Текст. Дискурс*: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Ставрополь: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2003. С. 26—40.
- Митягина В.А. *Социокультурные характеристики коммуникативного действия*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 356 с.
- Олешков М.Ю. *Педагогический дискурс: учебное пособие*. Нижний Тагил: Нижнетагильск. гос. соц.-пед. академия, 2012. 310 с.
- Олянич А.В. *Презентационная теория дискурса*. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
- Палашевская И.В. *Судебный дискурс: функции, структура, нарративность*. Волгоград: Парадигма, 2012. 346 с.
- Плотникова С.Н. *Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах)*. Иркутск: ИГЛУ, 2000. 244 с.

- Ракитина С.В. *Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты*. Волгоград: Перемена, 2006. 278 с.
- Савицкий В.М. *Порождение речи: дискурсивный подход*. Самара: Поволжск. гос. соц.-гуманит. академия, 2013. 226 с.
- Седов К.Ф. *Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 180 с.
- Степанов В.Н. *Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации*. СПб.: Роза мира, 2003. 263 с.
- Степанов Ю.С. *Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. статей*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 35—73.
- Тюпа В.И. *Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике*. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
- Чернявская В.Е. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие*. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.
- Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
- Щедровицкий Г.П. *Философия. Наука. Методология*. М.: Школа Культурной Политики, 1997. 656 с.
- Яроцкая Г.С. *Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре: монография*. Одесса: Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, 2013. 552 с.
- Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. L.: Routledge.
- Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society*. L.: Heinemann.
- Hall, E.T. (1969). *The Hidden Dimension*. New York: Anchor.
- Hasan, R. (1984). *Ways of saying: ways of meaning / The semiotics of culture and language*. In R.P. Fawcett, M.A.K. Halliday, S.M. Lamb, A. Makkay (ed.). Vol. 1. London: Frances Pinter, 105—162.
- Halliday, M.A.K. (1978). *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Arnold.
- Hymes, D. (1979). *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London: Tavistock.
- Hymes, D (1986). *Discourse: Scope Without Depth. International Journal of the Sociology of Language*. 57, 49—89.
- Kramarae, C., Schulz M., O'Barr W.M. (1984). *Introduction: Toward an Understanding of Language and Power*. In Language and Power. C. Kramarae et al. (ed.). Beverly Hills: Sage, 9—22.
- Pearson, B., de Villiers P. (2006). *Discourse, Narrative and Pragmatic Development / Encyclopedia of Language and Linguistics*. In K. Brown (ed.). Amsterdam etc.: Elsevier, Vol. 3, 686—693.
- Pinker, S. *The stuff of thought: language as a window into human nature*. Penguin, 2008.
- Slembrouck, S. (2002). *What is meant by discourse analysis?* Retrieved from: <http://banc.rug.ac.be/da>
- Trappes-Lomax, H. (2004). *Discourse Analysis. The Handbook of Applied Linguistics*. In A. Davies, C. Elder (ed.). Malden, Oxford: Blackwell, 133—164.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 октября 2016

Дата принятия к печати: 02 декабря 2016

Для цитирования:

Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 4. С. 56—77.

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Сфера научных интересов: социолингвистика, лингвокультурология, анализ дискурса, аксиологическая лингвистика. Контактная информация: e-mail: vkarasik@yandex.ru

UDC: 811.111.42

DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77

DISCOURSE MANIFESTATION OF PERSONALITY

V.I. Karasik

Volgograd State Socio-Pedagogical University

Lenin Ave., 27, 400066, Russia

The paper deals with approaches to discourse studies. The approaches may be regarded as discourse dimensions associated with models presented and substantiated by M.M. Bakhtin, J. Habermas, Yu.M. Lotman and M.A.K. Halliday. They comprise contents, participants, tonality, channel and communicative actions. The approaches described complement each other and make it possible to synthesize the results achieved in Text Linguistics, Pragmatics, Social Linguistics, and Discourse Studies. They are joined by and oriented towards the concept of Language Personality, i.e. persons who manifest themselves in various kinds of communicative situations. However, each discourse dimension corresponds to a certain type of discourse. A Topic Approach to discourse focuses upon its contents (its referential substance) and specifies the correlation between explicit and implicit meaning expression. A Subject Approach to discourse makes it possible to single out and describe two basic types of communication as presented in Personality bound and Status bound discourse, the former diverges into two subtypes — Habitual and Existential communication, whereas the latter is manifested in various kinds of Institutional discourse. A Tonality Approach to discourse highlights different types of stylistic and emotional modes of communication and correspondingly characterizes personality types who are engaged in such situations. A Regime Approach is concentrated on communication channel and technical peculiarities of behavior determined by those restrictions. An Action Approach to discourse gives us a broader understanding of a performative act, i.e. an action incorporated in culture and a situational behavioral interaction.

Key words: discourse, personality, communication topic, communication participants, communication tonality, communication channel, communicative action

REFERENCES

- Arutyunova, N.D. (1990). *Diskurs* [Discourse]. Moscow: Sov. Entsikl. (In Russian).
- Bakhtin, M.M. (1986). *K metodologii gumanitarnykh nauk* [To the methodology of the humanities]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
- Beylinson, L.S. (2009). *Professional'nyj diskurs: priznaki, funkcii, normy* [Professional Discourse: Features, Functions, Rules]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Bobyreva, E.V. (2007). *Religioznyi diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious discourse: values, genres, strategies (based on the Orthodox Christianity)]. Volgograd: Peremena. (In Russian).

- Borbot'ko, V.G. (1998). *Obshchaya teoriya diskursa* [General discourse theory]. Krasnodar. (In Russian).
- Buryakovskaya, V.A. (2014). *Kommunikativnye kharakteristiki massovoj kul'tury v medijnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* [Communicative characteristics of popular culture in the media discourse (based on Russian and English languages)]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Chernyavskaya, V.E. (2009). *Lingvistika teksta. Polikodovost'. Intertekstual'nost'. Interdiskursivnost'* [Text Linguistics. Polycodedness. Intertextuality. Interdiscursiveness]. Moscow: LIBROKOM. (In Russian).
- Dejk, T.A. van. (2000). *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: Blagoveshch. gumanit. kolledzh. (In Russian).
- Dem'yankov, V.Z. (1983). *Ponimanie kak interpretiruyushchaya deyatel'nost'* [Understanding as interpreting activity]. Moscow: Voprosy yazykoznanija (6), 58—67. (In Russian).
- Dem'yankov, V.Z. (2005). *Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obyden'nogo yazyka* [Text and Discourse as Terms and as Words of Ordinary Language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur Sbornik k 70-letiyu T.M. Nikolaevoj, 34—35. (In Russian).
- Dubrovskaya, T. V. (2010). *Sudebnyi diskurs: rechevoe povedenie sud'i* [Legal discourse: verbal behavior of the judge.]. Moscow: Akademiya MNEPU. (In Russian).
- Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. L.: Routledge.
- Galichkina, E.N. (2012). *Komp'yuternaya kommunikatsiya: lingvisticheskie status, znakovye sredstva, zhanrovoe prostranstvo* [Computer communication: linguistic status, sign means, genre space]. Volgograd: Paradigma. (In Russian).
- Gorbacheva, E.N. (2016). *Diskursivnaya performativnost': priznaki, tipy, zhanry* [Discursive performance: characteristics, types, genres]. Tambov. (In Russian).
- Grays, G.P. (1985). *Logika i rechevoe obshhenie* [Logic and speech communication]. Moscow: Progress, 217—237. (In Russian).
- Guseynova, I.A. (2009). *Zhanrovaya organizatsiya marketingovogo diskursa* [Genre Organization of Marketing Discourse]. Moscow: IPK MGLU Rema. (In Russian).
- Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. L.: Heinemann.
- Hall, E.T. (1969). *The Hidden Dimension*. New York: Anchor.
- Hasan, R. (1984). *Ways of saying: ways of meaning / The semiotics of culture and language*. In R.P. Fawcett, M.A.K. Halliday, S.M. Lamb, A. Makkay (ed.). Vol. 1. London: Frances Pinter, 105—162.
- Halliday, M.A.K. (1978). *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Arnold.
- Hymes, D. (1979). *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London: Tavistok.
- Hymes, D. (1986). *Discourse: Scope Without Depth*. *International Journal of the Sociology of Language*. 57, 49—89.
- Izvekova, M.G. (2006). *Pragmalingvisticheskie kharakteristiki ritual'nogo diskursa* [Pragmalinguistic Characteristics of the Ritual Discourse]. Volgograd. (In Russian).
- Isaeva, L.A. (1996). *Khudozhestvennyi tekst: skrytye smysly i sposoby ikh predstavleniya*. [The artistic text: the latent senses and ways of their representation]. Krasnodar. (In Russian).
- Issers, O.S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Omsk: Omsk State University. (In Russian).
- Kramarae, C., Schulz M., O'Barr W.M. (1984). *Introduction: Toward an Understanding of Language and Power*. In *Language and Power*. C. Kramarae et al. (ed.). Beverly Hills: Sage, 9—22.

- Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoj krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Karasik, V.I. (2009). *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
- Kashkin, V.B. (2010). *Vvedenie v teoriyu diskursa* [Introduction into discourse theory]. Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russian).
- Kibrik, A.A. (1994). *Kognitivnye issledovaniya po diskursu* [Cognitive studies in discourse]. Moscow: Voprosy Jazykoznanija (5), 126—139. (In Russian).
- Koltunova, M.V. (2006). *Konventsional'nost' kak osnova delovogo obscheniya* [Conventionality as the basis of business communication]. Moscow. (In Russian).
- Kon'kov, V.I. (1996). *Rechevaya struktura gazetnykh zhanrov* [Speech structure of newspaper genres]. St. Petersburg. (In Russian).
- Kochetova, L.A. (2013). *Angliyskiy reklamnyi diskurs v dinamicheskom aspekte* [English Advertising Discourse in Dynamic Aspect]. Volgograd: VolGU. (In Russian).
- Larina, T.V. (2009). *Kategoriya vezhливosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Category of politeness and communicative style: Comparison of Russian and English language and culture traditions]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian).
- Lotman, Yu.M. (1973). *O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury* [On two models of communication in culture system]. Tartu (6), 227—243. (In Russian).
- Lutvinova, O.V. (2009). *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguo-culturological features of virtual discourse]. Volgograd: Paradigma. (In Russian).
- Makarov, M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Discourse Theory Bases]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
- Manaenko, G.N. (2003). *Diskurs v ego otnoshenii k rechi, tekstu i yazyku* [Discourse and its relation to speech, text and language]. Stavropol': Pyatigorsk, 26—40. (In Russian).
- Mityagina, V.A. (2007). *Sociokul'turnye kharakteristiki kommunikativnogo deystviya* [Sociocultural Characteristics of Communicative Action]. Volgograd: VolGU. (In Russian).
- Oleshkov, M.Yu. (2012). *Pedagogicheskiy diskurs* [Pedagogical discourse]. Nizhniy Tagil: Nizhnetagil'sk. gos. soc.-ped. Akademiya. (In Russian).
- Olyanich, A.V. (2004). *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentation of discourse theory]. Volgograd: Paradigma. (In Russian).
- Palashevskaya, I.V. (2012). *Sudebnyi diskurs: funkzii, struktura, narrativnost'* [Discourse: functions, structure and narrativity]. Volgograd: Paradigma. (In Russian).
- Pearson, B., de Villiers P. (2006). *Discourse, Narrative and Pragmatic Development* / Encyclopedia of Language and Linguistics. In K. Brown (ed.). Amsterdam etc.: Elsevier, Vol. 3, 686—693.
- Pinker, S. *The stuff of thought: language as a window into human nature*. Penguin, 2008.
- Plotnikova, S.N. (2000). *Neiskrenniy diskurs (v kognitivnom i strukturno-funktsional'nom aspektah)* [Insincere Discourse (cognitive, structural and functional aspects)]. Irkutsk: IGLU. (In Russian).
- Popova, E.A. (1995). *Kul'turno-yazykovye kharakteristiki politicheskogo diskursa (na materiale gazetnykh interv'yu)* [Culture and language characteristics of political discourse (based on journal interviews)]. (In Russian).
- Rakitina, S.V. (2006). *Nauchnyi tekst: kognitivno-diskursivnye aspekty* [Scientific Text: Cognitive-Discourse aspects]. Volgograd: Paradigma. (In Russian).
- Savickiy, V.M. (2013). *Porozhdenie rechi: diskursivnyi podhod* [Birth of Speech: Discursive Approach]. Samara: Povolzhsk. gos. soc.-gumanit. Akademiya. (In Russian).

- Schedrovickij, G.P. (1997). *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. Science. Methodology]. Moscow: Shkola kul'turnoy politiki. (In Russian).
- Schipitsina, L.Yu. (2011). *Kompleksnaya lingvisticheskaya harakteristika komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii (na materiale nemetskogo yazyka)* [The complex linguistic characteristics of the computer-mediated communication (based on the German language)]. (In Russian).
- Sedov, K.F. (1999). *Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoj lichnosti: Psiho- i sociolingvisticheskij aspekt* [Formation of Discourse Thinking of Language-using Personality: Psycho- and Sociolinguistic Aspects]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. (In Russian).
- Sheigal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
- Slembrouck, S. (2002). *What is meant by discourse analysis?* Retrieved from: <http://banc.rug.ac.be/da>.
- Stepanov, V.N. (2003). *Provokativnyi diskurs social'no-kul'turnoy kommunikatsii* [Provocative discourse of social-cultural communication]. St. Petersburg: Roza mira. (In Russian).
- Stepanov, Yu.S. (1995). *Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i printsypy prichinnosti* [The Alternative World, Discourse, Fact and Causality Principles]. Moscow: Ross. Gos. Gumanit. Univesitet, 35—73. (In Russian).
- Trappes-Lomax, H. (2004). *Discourse Analysis. The Handbook of Applied Linguistics*. In A. Davies, C. Elder (ed.). Malden, Oxford: Blackwell, 133—164.
- Tyupa, V.I. (2010). *Diskurskiye formatsii: ocherki po komparativnoy ritorike*. [Discourse Formations: Essays to Comparative Rhetoric]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russian).
- Yarockaya, G. S. (2013). *Aksiogenez ekonomicheskogo soznaniya v russkoy lingvokul'ture* [Axio-genesis of economic consciousness in Russian linguistic culture]. Odessa: Odesskiy natsional'nyi universitet im. I.I. Mechnikova. (In Russian).
- Zheltukhina, M.R. (2004). *Spetsifika rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI* [Specificity of speech influence of tropes in mass-media language]. Moscow. (In Russian).
- Zubova, L. V. (2010). *Yazyki sovremennoy poezii* [Languages of modern poetry]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Article history:

Received: 20 October 2016

Revised: 20 November 2016

Accepted: 02 December 2016

For citation:

Karasik, V.I. (2016). Discourse Manifestation of Personality. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 56—77.

Bio Note:

Vladimir I. Karasik, Professor, Head of English Philology Department at Volgograd State Socio-Pedagogical University. *Research interests:* sociolinguistics, language and culture, acsiology. *Contact information:* <http://edu.vspu.ru/lingvoperson/karasik-vladimir-ilich>; e-mail: vkarasik@yandex.ru